

Любовь делает человека нежнее

С того дня я начал постепенно замечать различия в том, как я и Цзюцяньсуй взаимодействовали. Однако, если бы мне пришлось спросить себя, я бы не смог точно сказать, что именно изменилось между нами.

Он по-прежнему уходит ко двору рано утром и возвращается поздно вечером. И, как всегда, он каждый день обязательно обедает со мной и следит за тем, чтобы я принимал отвар каждый вечер, прежде чем уложить меня в постель, а он ложится на внешней стороне кровати, прямо рядом со мной.

Когда он делал все это рядом со мной, он почти ничего не выражал и вообще мало со мной разговаривал. Тем не менее, его поведение в целом казалось мне несколько иным по сравнению с прошлым, как будто он тайком смягчил острые шипы по всему телу, из-за чего иногда он даже казался нежным.

Тем не менее, я не мог быть уверен, были ли мои наблюдения реальными, или они были просто моей неверной интерпретацией из-за того, что я был слишком близок к нему и слишком близок с ним.

Количество раз, когда он целовал меня, росло с каждым днем, как будто он был от этого зависим.

Сначала это был всего лишь короткий поцелуй в губы каждый раз после того, как я допивал отвар, чтобы слизать капли лекарства в уголке рта, но постепенно поцелуй превратился в более глубокие. Несколько дней спустя частота наших поцелуев возросла настолько, что это казалось почти таким же естественным, как еда или сон.

Он никогда не давал мне свободы отказаться.

Династия Цан уделяла большое внимание культуре и приличиям. Таким образом, хотя праздник Весны только что прошел, ни двор, ни простые люди не относились к Фестивалю фонарей с меньшей важностью. (Прим: Праздник фонарей, или Юаньсяоцзе, 元宵, приходится на 15-й день первого лунного месяца)

Это был очередной семидневный праздник, и я слышал шум толпы с Фестиваля фонарей за стенами особняка. Однако, за исключением дня, когда Цзюцяньсуй должен был участвовать в ежегодном ритуале жертвоприношения, он все еще не делал ни шагу за пределы своего особняка и оставался дома со мной оставшиеся шесть дней. (Прим: Исходный термин здесь — Дзиси или 丁巳. Древний китайский ритуал жертвоприношения подразумевает подношение благовоний, вина, воды, мяса, овощей, ткани и нефрита божеству, святым или мертвым душам. Ритуал жертвоприношения, проводимый императором и его двором, обычно ежегодно

проводится божееству и царственным предкам, чтобы гарантировать процветание страны в новом году)

Во второй половине дня в свободное время он ходил в свой кабинет, чтобы попрактиковаться в каллиграфии, и всегда брал меня с собой. Вместо того, чтобы приказать мне почистить его меч, он обнимал меня и усаживал к себе на колени.

Он был подобен коррумпированному чиновнику, предававшемуся чувственным удовольствиям.

— Ты умеешь писать? После глубокого и продолжительного поцелуя у меня закружилась голова, и я почувствовал легкий удушье, но он оставался таким же спокойным. Поддерживая одной рукой мою спину, он другой взял с подставки на столе кисть для каллиграфии и спросил меня, повернув голову ко мне.

Хотя я был близок с Цзюцяньсуйем уже несколько раз, хотя он не злился на меня в последние несколько дней, я все еще чувствовал страх в его объятиях, но не осмеливался показать это, поэтому все, что я мог сделать, это робко покачаю головой.

Я умею читать, но не имею писать. Это потому, что письмо не было обязательным навыком для тайных гвардейцев. Поэтому учителя во дворце, естественно, не стали бы тратить на нас бумагу и чернила.

Цзюцяньсуй, похоже, не удивился. Он поправил свою позу, немного переместил мое тело, чтобы я оказался прямо перед ним, между его открытыми бедрами. Моя спина прижалась к его груди, и я увидел перед собой на столе лист бумаги.

«Держи это». Что-то было сунуто мне в правую руку, и я схватил это, прежде чем понял, что это кисть для каллиграфии, которая казалась мне тяжелой и имела гладкую текстуру.

Другая его рука, более крупная, накрыла мою.

Его уникальный запах агарового дерева смешивался с ароматом тонких чернил, который кружился у меня в носу и вызывал головокружение. Мое бедное, несчастное сердце снова начало бешено колотиться о ребра.

Он слегка наклонился, его голова прижалась к моей, его дыхание коснулось моего лица.

Кисть для каллиграфии поднялась, а затем опустилась; Мягкий кончик кисти двигался и оставлял на бумаге серию пересекающихся и накладывающихся мазков.

Один горизонтальный штрих, один вертикальный штрих, один криволинейный штрих влево и один криволинейный штрих вправо.

Кэ.

Он все еще держал мою правую руку в непрерывном движении, но я был погружен в свои мысли, тупо глядя на большие символы передо мной. Я на мгновение потерял дар речи.

Цзин.

Инь.

Я во второй раз в жизни видел свое имя написанным на бумаге. Первый раз это произошло, когда мне было четырнадцать лет, и я только что закончил обучение. Меня официально назначили Его Королевскому Высочеству, и я украдкой взглянул на свое имя, приложив отпечаток руки к своему контракту жизни и смерти. (Прим: Исходный термин здесь — Шэнси Ци, 申時. Ци означает контракт. Контракт жизни и смерти означает, что владелец может требовать от человека, связанного контрактом, все, даже просить его умереть. Договор также служит подтверждением права собственности. Только лицо, заключившее договор, является законным владельцем лица, связанного договором)

— Теперь ты знаешь, как это написать? Тихий голос прозвучал рядом с моим ухом, прервав мои мысли. Я резко обернулся и встретил бесстрастный взгляд Цзюцяньсуя.

Он повторил: «Ты запомнил, как это писать?»

«Нет, нет, нет». Мой разум еще не уловил ситуацию, поэтому я ответил нерешительно. И только после того, как я закончил предложение, я пожалел о своей бестактности.

К счастью, Цзюцяньсуй не стал меня в этом винить и молча положил на стол новый лист бумаги. Он снова взял меня за руку и повел обмакивать кисть в чернила.

«На этот раз запомни как следует». Его слова прозвучали как приказ, но я не чувствовал себя вынужденным.

"... Я запомню."

Его рука была очень твердой, и хотя я не разбирался в каллиграфии, я ясно мог сказать, что его почерк был элегантным. Конец каждого мазка был острым. Каждый штрих казался правильным, а каждый изгиб казался изящным и плавным.

В полную силу я сосредоточился на запоминании порядка мазков. Так что мои чувства вернулись ко мне только после того, как он отпустил мою руку – на этот раз мы написали не мое имя.

Ли Цинь.

Эти два иероглифа были написаны на бумаге мощным и величественным стилем каллиграфии, что было произведение искусства, созданное как его, так и моей рукой.

Предполагалось, что должно быть четкое различие между высшим и низшим. Имя хозяина не должно произноситься или записываться слугой.

«Дужу...» Я немного нервничал, поэтому повернул голову, чтобы позвать его. Из-за нашей близости мой нос ударился о его подбородок. Почувствовав на мгновение боль, я резко замолчал.

Выражение лица Цзюцяньсуя, казалось, на мгновение застыло, но он быстро восстановил самообладание, большим пальцем помассировал мою переносицу, чтобы облегчить боль, а затем с силой повернул мою голову назад.

«Если ты запомнил, попробуйте написать сам».

Он отпустил мою руку и выложил новый лист бумаги.

Я колебался и не двигался.

На самом деле я уже запомнил порядок штрихов, но не осмеливался писать. Я так волновался, что на моей ладони, держащей кисть для каллиграфии из фиолетового нефрита, даже появился тонкий слой пота.

«Если ты не напишешь, я тебя накажу...» Зловещий голос прозвучал прямо возле моего уха.

Я быстро наклонился вперед, чтобы окунуть чернила.

Некоторые вещи могут показаться простыми, но они превратились в полный беспорядок, когда я попытался сделать их самостоятельно. Прекрасная резьба на чернильном камне была испачкана чернилами моей каллиграфической кисти, и чернила стекали по столу, оставляя следы маленьких черных клякс.

Очевидно, дорогая рисовая бумага тоже была в беспорядке. Два иероглифа, которые выглядели такими элегантными под каллиграфической кистью Цзюцяньсуя, скручивались и искажались в моих руках, испачканные большими пятнами чернил.

Но как бы то ни было, мне удалось записать.

Я посмотрел на два жалко выглядящих символа на бумаге и вздохнул про себя. Моя рука, привыкшая держать меч, должна была быть очень устойчивой. Даже если бы мой почерк не был таким красивым, он не должен был быть таким бесконтрольным. Но с тех пор...

На какой-то момент весь кабинет погрузился в мертвую тишину. Я не осмелился обернуться, поэтому все, что я мог сделать, это какое-то время с опаской ждать, прежде чем Цзюцяньсуй наконец пошевелится.

Он медленно вынул кисть для каллиграфии из моей руки и осторожно отложил ее в сторону, говоря так, словно утешал ребенка: «Неплохо. Будет еще лучше, если ты будешь больше практиковаться».

Я кивнул и послушно встал, а он обнял меня за талию. Затем он повел меня в сад прогуляться.

Наступила весна, и погода постепенно становилась теплее. Остатки снега на ветвях уже начали таять, но все равно было холодно. Когда подул ветер, свежий воздух разбавил аромат Цзюцяньсуя на моем теле и в плаще, а также унес большую часть моей бесчувственности за последние несколько дней.

Когда я впервые прибыл в особняк Дюгоней, он был жестоким, безжалостным и непредсказуемым и всегда выглядел так, будто готов лишить меня жизни в любой момент.

Но теперь он казался совершенно другим человеком, словно одержимым.

Я все еще боюсь его, но мой страх несколько отличался от того, что я чувствовал в прошлом.

Раньше я боялся, что он меня накажет или убьет, и беспокоился, что мои ошибки повлияют на Его Королевское Высочество.

Этот страх постепенно исчез, прежде чем я успел это заметить, и превратился в другой вид крайнего трепета.

Я боялся, что он будет относиться ко мне хорошо, независимо от нашего статуса и без какой-либо прибыли, что он будет осыпать меня все большей и большей нежностью, что он будет становиться со мной все более и более близким без ограничений и что он... потребует чего-то от меня.

Например, физической компенсации.

<http://bllate.org/book/14094/1239607>